

ПОСЛЕДНИЙ ГУСАР

Люциуш был окутан мраком неизвестности и значительности. Разные люди, друзья и знакомые, знали об этом — одни больше, другие меньше, но все знали только немногие. Все знала только жена Люциуша, мама Люциуша и бабка Люциуша. Остальные родственники Люциуша, и даже его дети, были обречены на домыслы.

Жена Люциуша каждодневно, когда дети уже шли спать, а Люциуш сидел у лампы — в домашних туфлях, с газетой в руке, — приближалась к нему, клала голову ему на колени и, долго-долго глядя в глаза, шептала:

— Ради бога, Люциуш, береги себя...

Люциуш не любил бульон из телячьих костей и правительство.

Люциуш был герой.

Случалось, что, придя домой возбужденный, он не произносил ни слова, но домашние знали, что, если бы он хотел и мог, он рассказал бы многое.

Вечером жена спрашивает его робко, с нескрываемым удивлением:

— Опять?..

Люциуш кивает головой и потягивается. Вся его фигура выражает мужественность и силу.

— Где?.. — продолжает расспрашивать жена, пораженная собственной дерзостью.

Он встает, подходит к двери, быстрым движением открывает ее, проверяет, не подслушивает ли их кто-нибудь. Он проверяет также шторы на окнах. Отвечает приглушенным голосом:

— Там, где обычно...

— Ты... — говорит жена.

Этим словом сказано очень много.

Среди близких знакомых Люциуша, как мы уже говорили, ходят упорные слухи: «Люциуш должен знать... Люциушу что-нибудь угрожает?.. Ах, этот Люциуш... Люциуш им даст, будьте уверены...»

Мама Люциуша беспокоится о нем, но она им гордится, не называет его иначе, как «мой сын». Бабка же Люциуша, непреклонная матрона, живущая отдельно, не беспокоится, а только гордится. Она говорит своей дочери, матери Люциуша:

— В наше время надо рисковать. Делу нужны бесстрашные люди. Если бы Евстахий был жив, он делал бы то же, что и Люциуш.

В беседах с правнуками она делает намеки:

— Будьте довольны, что у вас такой отец, — и показывает им картинки, на которых изображены рыцари с султанами, скачущие по равнине. — Ваш отец тоже мог бы так. Он не сломился...

А в это время Люциуш входит в общественную уборную. Старательно запирается в кабине. Через некоторое время с тигриным блеском в глазах он еще раз оглядывается — нет ли кого? — молниеносно вынимает из кармана мел и пишет на стене: «Долой большевиков!»

Потом выходит из сортира, вскакивает в первую попавшуюся пролетку или такси и, петляя улицами и переулками, возвращается домой.

Вечером жена робко спрашивает его:

— Опять?..

Люциуш действует уже давно, и, хотя жизнь постоянно терзает его нервы и обрекает на бессонницу, он не смиряется.

Люциуш осторожен, он изменяет почерк. Время от времени одалживает авторучку у своего начальника. «Если установят, кому принадлежит ручка, которой это написано... Ха-ха...» — И он злорадно усмехается, мысленно представляя, какое блед-

ное лицо будет у начальника конторы и как будут обмануты его, Люциуша, преследователи.

Бывают моменты, когда у Люциуша кровь стынет в жилах. Кажется, нет выхода. Например, однажды, когда он писал на стене: «Католики не сдадутся», кто-то вдруг затарабанил в дверь. У Люциуша сердце замерло. Он был уверен, что это они. Он осторожно стер свежую надпись. Тарабанить не переставали. Тогда Люциуш проглотил карандаш и только после этого открыл. Вошел тучный мужчина с портфелем, лицо у него было красное («Прокурор?» — мелькнуло в голове Люциуша); он молча вытолкнул Люциуша и заперся изнутри. Люциуш долго помнил эту минуту.

Физиономии туалетных старушек тоже беспокоили его. А если это только грим?

Однажды, в один из зимних дней, когда Люциуш собрался на обычное поле битвы, он остановился и замер. Двери общественной уборной были закрыты. А поперек дверей была грубая надпись мелом, безусловно сделанная рукой злодея: Р Е М О Н Т.

Люциуш почувствовал то же, что чувствует гусар, у которого в разгаре битвы выбили из рук саблю,— он смотрел по сторонам и не находил своего оружия.

Однако он решил бороться дальше. Пошел на железнодорожную станцию. В это время с перрона выходила группа солдат и многие из них направились туда, куда и Люциуш. У Люциуша возникло подозрение. Итак, они не только применили предательский прием Р Е М О Н Т, но и вводят чрезвычайное положение. Люциушу представилась страшная картина: все перроны и общественные уборные заняты войсками. Нет, Люциуш достаточно хитер, Люциуш на этом собаку съел. Так просто Люциуша не возьмешь.

Он не сомневался, что они заняли все оставшиеся объекты в городе; а значит, они уже в гостинице «Полония» и в домовый лавке «Гастронома № 1». Но он решил, что последнее слово будет принадлежать ему. Люциуш сел в поезд. Сохраняя осторожность, он вышел на следующей станции. Неподдалеку виднелась небольшая убогая деревенька. Добравшись до первого дома, он спросил, где уборная.

— Чево? — удивились там. — Мы, пан, в лес ходим...

В лесу было уже темно. «Тем лучше», — подумал Люциуш. Он вошел в самую гущу кустов и написал палочкой на снегу: «Генерал Франко вам покажет».

Возвратившись домой, он долго стоял в этот вечер перед зеркалом, проверяя, насколько пошли бы к его плечам орлиные крылья.

Перевод с польского М. ПАВЛОВОЙ и В. БУРИЧА

Рис. Ш. КОБЫЛИНСКОГО
(Польша)

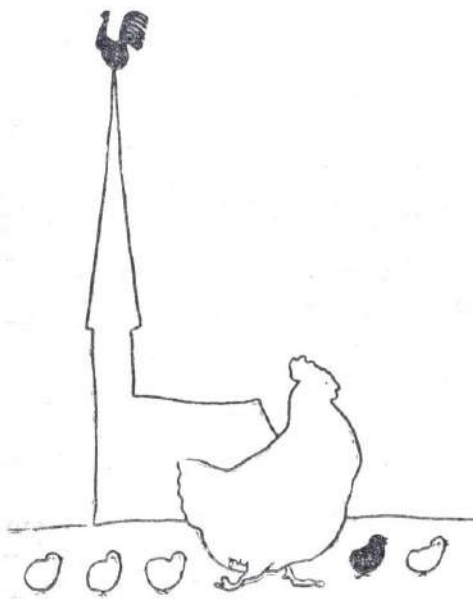

Рис. А. ФРАНСУА
(Франция)

